ОГЛАВЛЕНИЕ

7 ПРЕДИСЛОВИЕ

16 БЛАГОДЕТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТ. ОТ НАЧАЛА ВРЕМЕН ДО V ВЕКА

Охра эпохи палеолита 18
Желтый металл 25
Золото в мифах 30
Солярные культы 37
Окрашивать в желтое 42
Одеваться в желтое 48
Дело Клодия 53
О чем рассказывает лексика 60
Цвет, о котором молчат Библия и Отцы Церкви 66

73 НЕОДНОЗНАЧНЫЙ ЦВЕТ. VI–XV ВЕКА

Желтому не место в христианской литургии 74
Желтый цвет в геральдике 80
Двусмысленная символика 85
Очарование белокурых волос 89
Желчь и моча 95
Зависть, ложь, измена 101
Одеяние Иуды и балахон Яна Гуса 109
Откуда взялась желтая звезда? 116

123 НЕЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ. XVI–XXI ВЕКА

Желтый цвет художников 127
Желтый цвет ученых 133
Желтый в повседневной жизни 139
Словари и энциклопедии 145
Мода: курс на Восток 152
Неприметность, изгойство, модернизм 159
На границах желтого: оранжевый 168
В мире спорта 176
Желтый цвет в наши дни 180

187 БЛАГОДАРНОСТИ

188 ПРИМЕЧАНИЯ

215 БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

> Если в своем чистом и светлом состоянии этот цвет приятен и радует нас и в своей полной силе отличается ясностью и благородством, то зато он крайне чувствителен и производит весьма неприятное действие, загрязняясь или до известной степени переходя на отрицательную сторону.
>
> *Гете*[1]

Дать определение феномену цвета — дело нелегкое. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в словарь: авторы всегда испытывают большие трудности, пытаясь предложить ясное, четкое, вразумительное определение, уложившись при этом в приемлемое количество строк. Часто определение бывает длинным и витиеватым, но при этом неполным. Порой оно содержит ошибки или просто непонятно для большинства читателей. Редко когда словарю удается успешно выполнить свою функцию, если нужно раскрыть значение слова «цвет». Это относится не только к толковому словарю французского языка, но и к аналогичным словарям других европейских языков, а также, по всей видимости, и всех языков нашей планеты.

У этих трудностей есть несколько причин. Понятно, что в течение веков определения цвета существенно

различались в зависимости от исторического периода и от конкретного социума; однако даже в рамках современной эпохи на разных континентах цвет не понимается одинаково. Каждая культура осмысляет и определяет его в соответствии с окружающей средой, своей историей, своим научным знанием, своими традициями. И в этом аспекте знания жителей Западной Европы и Америки вовсе не являются образцами, на которые следует равняться, ни тем более «истинами», но всего лишь некоей совокупностью знаний среди других таких же. Кроме того, даже внутри этой совокупности знаний мнения одних специалистов не согласуются с мнениями других. Мне регулярно приходится участвовать в междисциплинарных коллоквиумах, посвященных цвету: там собираются представители самых разных областей науки — социологи, физики, лингвисты, этнологи, живописцы, химики, историки, антропологи, музыканты. Все мы очень рады возможности поговорить на жизненно важную для нас тему. Но уже через несколько минут мы замечаем, что говорим не об одном и том же: каждый специалист рассуждает о цвете, опираясь на свои собственные определения, классификации, убеждения, впечатления. Побудить остальных разделить его точку зрения — задача нелегкая, а иногда просто невыполнимая.

За минувшие века цвет определяли сначала как особое вещество, затем как разновидность света, а позднее рассматривали как ощущение: ощущение, которое вызывается светом, падающим на определенный объект, воспринимается глазом и передается в мозг. Во многих языках этимология слова, обозначающего цвет, основана на первом из этих определений: в начале времен цвет осмысляется (и воспринимается) как вещество, нечто вроде пленки, которая покрывает живые существа

и неодушевленные предметы. Так обстоит дело, в частности, в индоевропейских языках. Например, латинское слово color, от которого произошли обозначения цвета в итальянском, французском, испанском, португальском, английском и так далее, принадлежит к тому же многочисленному семейству слов, что и глагол celare, то есть «облекать», «маскировать»: цвет — это нечто скрывающее, маскирующее. Это нечто материальное, вторая кожа или оболочка, скрывающая тело. Такой же ход мысли мы замечаем уже у древних греков: греческое khrôma происходит от krôs, слова, обозначающего кожу и вообще все, покрывающее тело. То же самое происходит в большинстве германских языков, например в немецком: слово Farbe происходит от общегерманского farwa, которое обозначает кожу, пленку, оболочку. Схожая мысль выражена и в других языках, причем не только индоевропейских: цвет — это вещество, это покров поверх другого покрова.

Но лексика — это одно, а научные теории — совсем другое. Очень рано цвет перестали осмыслять исключительно как вещество: он стал также — и прежде всего — разновидностью света, точнее, результатом преломления света. Аристотель одним из первых начал рассматривать цвет как ослабление солнечного света, возникающее при контакте последнего с предметами, и создал самую древнюю из известных хроматическую шкалу, на которой тона идут от светлых к темным: белый, желтый, красный, зеленый, фиолетовый, черный. В Западной Европе эта шкала оставалась основной научной классификацией цветов вплоть до конца XVII века. А если точнее, до 1666 года, когда Исаак Ньютон осуществил опыты с призмой и сумел разложить белый солнечный свет на несколько лучей разных цветов. И в результате предложил миру науки

новую хроматическую шкалу — спектр; на этой новой шкале не было места ни черному, ни белому, а последовательность цветов не имела никакого отношения к аристотелевской классификации, которой до этих пор пользовались ученые. В течение XVIII столетия шкала Ньютона — фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный — постепенно утвердилась как основная классификация цветов во всех областях знания, первым делом в физике, затем в химии[2]. Она занимает это положение и по сей день.

Определение цвета как результата дисперсии света, а не как особого вещества стало этапным событием для мира науки и техники: исследователи постепенно научились подчинять себе цвет, измерять его, производить и воспроизводить по своему желанию, а ремесленники мало-помалу освоили способы получения его разнообразных оттенков. Теперь цвет поддавался контролю, проверке и воспроизведению; однако, став управляемым, он отчасти потерял свою загадочность. Тем более что даже художники начиная с XVIII века в своем творчестве стали сообразовываться с законами физики и оптики, начали выстраивать свою палитру в соответствии со спектром, разделять цвета на основные и второстепенные, а порой еще и третьестепенные.

Ближе к нашему времени проблемами цвета заинтересовалась нейронаука. Исследователи указывали на важную роль визуальных и перцептивных факторов: цвет — это не только материальная оболочка или игра тончайших нюансов освещения, но также — и в особенности — феномен восприятия. Цвет рождается из сочетания следующих трех элементов: источник света, освещаемый объект и человек, наделенный таким сложным воспринимающим аппаратом, одновременно анатомическим, физиологическим и культурным, как

связка: глаз — мозг. Но когда в порядке эксперимента человек в качестве субъекта восприятия заменяется простым регистрирующим механизмом, мнения ученых расходятся. Представители естественных и точных наук считают, что зарегистрированный таким образом феномен все же следует считать цветом, поскольку мы можем измерить длину световой волны. Однако представители гуманитарных наук с ними не согласны: данное явление следует считать всего лишь светом, потому что цвет существует, только если он воспринимается, то есть не просто фиксируется глазом, но также расшифровывается с помощью памяти, знаний, воображения. «Цвет, на который никто не смотрит, — это цвет, которого не существует», — утверждал Гете еще в 1810 году, в третьей части своего знаменитого «Учения о цветах». Однако современные исследования доказали, что человек, слепой от рождения, став взрослым, располагает почти такой же хроматической культурой, как зрячий. Этот факт противоречит утверждениям Гете, как и утверждениям Ньютона.

Цвет в понимании физика или химика отнюдь не то же самое, что цвет в понимании невролога и биолога. А этот последний не совпадает или, во всяком случае, не вполне совпадает с представлением о цвете, которое складывается у историка, социолога, антрополога или лингвиста. По их мнению — а также с точки зрения специалистов по всем гуманитарным наукам вообще — цвет следует определять и изучать как явление в жизни общества. Для них цвет прежде всего явление социальное, а не особое вещество, или частица света, и тем более не ощущение. Именно общество, в большей степени чем природа, пигмент, свет, чем глаз или мозг, «производит» цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, регламентирует его применение и его задачи,

вырабатывает для него коды и ценности. Без общества, без культуры не будет и цветов, которым можно было бы дать определения, названия, классификацию, а только бесконечные переходы от оттенка к оттенку, сливающиеся в один неразличимый континуум.

* * *

Если нелегко дать определение цвету вообще, то дать определение желтому еще труднее. Можно сказать, как говорится в большинстве словарей, что желтый — цвет лимона, шафрана, золота, спелой пшеницы; и это не будет ошибкой, но не будет и определением в точном смысле слова. А еще можно заявить, что желтый — цвет, занимающий в спектре положение, соответствующее такому-то волновому диапазону. Физика это определение вполне устраивает, но что оно дает гуманитарным наукам? Абсолютно ничего.

И случай желтого не уникальный. Те же соображения можно высказать и по поводу любого другого цвета. Австрийский философ Людвиг Витгенштейн напоминает нам об этом во фразе, которая заслуженно стала знаменитой и которую я люблю цитировать в большинстве моих книг, потому что считаю ее одной из самых важных фраз, когда-либо сказанных о цвете: «Если нас спросят: „Что означают слова «красный, желтый, синий, зеленый»?“ — мы, конечно, сможем сразу же указать на предметы соответствующих цветов. Но наша способность объяснить значение данных слов этим и исчерпывается» (Bemerkungen über die Farben, I, 68).

И тем не менее на нижеследующих страницах я попытался описать долгую и длинную историю желтого в обществах Западной Европы от палеолита и почти что до наших дней. Это нелегко было сделать, ибо его история была весьма бурной, а в документах сведений

о желтом заметно меньше, чем о других цветах. К какой эпохе вы бы ни обратились, о желтом речь заходит гораздо реже, чем о красном, черном, синем и даже зеленом. Причин тут несколько, но главная из них та, что значительную часть места, которое должно было принадлежать желтому цвету, часто занимает золотой. Таким образом, писать историю желтого в обществах Западной Европы в какой-то мере значит писать историю золотого; а существующий по ней материал трудно освоить, поскольку он чрезвычайно обширен, охватывает различные области жизни, и его изучение то и дело втягивает вас в различные связанные с ним темы. Зачастую исследователь может очень много сказать о золотом, но очень мало — о желтом. История золотого ставит перед ним множество вопросов, ведь золотой — это не только цвет, но также и свет, и вещество, и по каждой эпохе (по крайней мере, начиная с третьего тысячелетия до нашей эры) о нем сохранилось достаточно документальных материалов. В то время как желтый словно играет с вами в прятки. Порой он упоминается в источниках более или менее часто, а порой (например, в эпоху раннего Средневековья) — очень редко. И тогда исследователь вынужден подменять его золотым, который и сам по себе — целый океан хроматических коннотаций и всевозможных проблем.

Чтобы не утонуть в этом океане, чтобы моя книга уместилась в разумных границах, чтобы она оставалась историей именно желтого, а не золотого, я старался держать золотой на расстоянии, обращаясь к нему лишь в контексте тех периодов и исторических событий, когда это было совершенно необходимо: в связи с древними мифологиями, рождением монеты, средневековой геральдикой, искусством барокко и другими. В итоге, несмотря на недостаточность упоминаний в документах,

которая иногда усложняла мою задачу, эта книга целиком и полностью является историей желтого, исследованной с помощью надежных указателей, чтобы не заблудиться в изменчивом и многоликом хроматическом лабиринте.

* * *

Настоящая работа — пятая в серии книг, которую я начал создавать двадцать лет назад. Четыре предыдущих назывались: «Синий. История цвета» (2000), «Черный. История цвета» (2008), «Зеленый. История цвета» (2013), «Красный. История цвета» (2016); все они были опубликованы в одном и том же издательстве Seuil. Как и остальные книги серии, данная работа построена по хронологическому принципу: это именно история желтого цвета, а не энциклопедия желтого, и уж тем более не анализ роли желтого в одном только современном мире. Это книга по истории, где рассматривается желтый цвет на протяжении длительного времени и во всех его аспектах, от лексики до символики, включая повседневную жизнь, обычаи, принятые в обществе, научное знание, техническое применение, религиозную мораль и художественное творчество. Слишком часто работы по истории цвета — по правде говоря, их немного — посвящены только сравнительно недавним эпохам и только одной сфере деятельности — живописи. Такое ограничение области исследования неправомерно. История цветов не дублирует историю живописи, это нечто иное, нечто гораздо более масштабное.

Как и четыре предыдущие книги, эта работа обладает лишь внешними признаками монографии. Любой цвет не существует сам по себе, он обретает смысл, «функционирует» в полную силу во всех аспектах — социальном, художественном, символическом — лишь

в соединении, либо в противопоставлении с одним или несколькими другими цветами. По этой же причине его нельзя рассматривать обособленно. Говорить о желтом — значит неизбежно говорить о красном, зеленом, синем и даже о белом и черном.

Эти пять книг должны стать кирпичиками в здании, строительством которого я занимаюсь уже более полувека: истории цвета в европейских обществах, от Античности до XIX века. Даже если, как мы увидим на последующих страницах, я по необходимости буду заглядывать в более далекие и более близкие к нам эпохи, мое исследование будет разворачиваться именно в этих (уже достаточно широких) хронологических рамках. Оно также будет ограничиваться обществами стран Европы, поскольку, на мой взгляд, проблемы цвета — это прежде всего проблемы общества. А я как историк не обладаю достаточной эрудицией для того, чтобы рассуждать о всей планете, и не имею желания переписывать или пересказывать с чьих-то слов работы ученых, занимающихся неевропейскими культурами. Чтобы не городить чушь, чтобы не красть у коллег, я ограничиваюсь тем материалом, который мне знаком и который почти сорок лет был темой моих семинарских курсов в Практической школе высших исследований и в Высшей школе социальных наук. И я выражаю здесь глубокую благодарность всем моим студентам, аспирантам и вообще всем моим слушателям за плодотворный обмен мнениями, который у нас был и который, надеюсь, продолжится и в дальнейшем.

Январь 2019